

Звуковое поведение злых духов, связанных с колдуном (на материале лексики мифологических рассказов Пермского края)*

Ирина Ивановна Русинова

Пермский федеральный исследовательский
центр Уральского отделения РАН,
Пермский государственный
национальный исследовательский
университет
irusinova@mail.ru

Статья посвящена звуковому портрету одного из видов нечистой силы, связанной с колдуном, по данным лексики русских мифологических рассказов Пермского края. В изученных текстах обнаружены четыре вида такой нечистой силы. Первый вид — это духи, от которых колдун получает сакральные знания и магическую помощь. Второй вид — это нечистая сила, принимающая облик какого-либо мифического животного (жабы, лягушки, собаки, свиньи, глухаря, рыбы, крокодила и т. п.), с которой человек в бане должен вступить в физический контакт, обычно пролезть сквозь нее, чтобы стать колдуном. Третий вид — это духи-помощники колдуна, представляющие собой консолидированное множество и принимающие чаще облик небольших животных, насекомых, мелких предметов. Четвертый вид — это злые духи, вселенные колдуном в жертву и вызывающие у нее различные болезни, обычно кликушество, или бесноватость. Первые два вида нечистой силы практически не проявляют себя звуками. Представители третьей группы обычно тоже «молчат», иногда издают звуки, характерные для животных и насекомых, чей облик они принимают. Наиболее подробно разработаны в демонологической традиции Пермского края акустические проявления так называемых «вселяющихся» духов, вызывающих у жертвы кликушество. Звуковой портрет таких бесов богат, он создается с помощью лексики, обозначающей

---

* Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ): проект № 19–18–00117 «Традиционная культура русских в зонах активных межэтнических контактов Урала и Поволжья» (рук. А. В. Черных) The publication was financially supported by Russian Science Foundation (RSF): project № 19–18–00117 «Traditional culture of the Russians in the areas of active contacts of the Urals and the Volga region» (the adviser is A. V. Chernykh)

разные характеристики звуков и речи: тембр голоса, его громкость, способ звукоизвлечения, нечленораздельность, асоциальность речи. Все эти характеристики подчеркивают чуждость звуков или их непохожесть на звуки и речь человека и таким образом указывают на иномирную природу носителя этих звуков.

Ключевые слова: мифологические рассказы Пермского края, «вселяющиеся» духи, звуковой портрет злых духов, лексика мифологических рассказов.

Данная статья посвящена звуковому портрету одного из видов нечистой силы, связанной с колдуном, по данным лексики русских мифологических рассказов Пермского края.

Можно выделить четыре разряда нечистой силы, так или иначе связанной с колдуном.

Первый вид — это духи, с которыми, по свидетельству авторов мифологических текстов, *знается*, или *дружит*, *водится* колдун. В пермских текстах такой дух обозначается словами *бес*, *чёрт*, *окаянный*, *сатана*, являющимися родовыми обозначениями нечистой силы, и лексическими единицами *леший*, *лесной хозяин*, *лесной дедушко*, *лесной человек*, обозначающими духа-хозяина лесного локуса. С этими духами колдун находится в контакте, получает от них магические знания и умения, а также магическую помощь: *Там, в Тюленёвой, один мужик знался с лесным. Он на охоту один хаживал, он и медведя убьёт один, и ему ничё. Он дом один рубил. Его так и звали — Фёдор Лесной. Знался с ним, дак, значит, заговоры всяки знал* (Щекалова Юрлинского района) (ФА).

Второй вид — это нечистая сила, чаще всего принимающая облик какого-либо мифического животного (жабы, лягушки, собаки, свиньи, глухаря, рыбы, крокодила и т. п.), с которой колдун обычно в бане должен вступить в физический контакт (пролезть сквозь нее, попасть внутрь нее через пасть, проглотить ее), чтобы стать колдуном: *В бане собака, рот большой такой, как жар пышет. Если ты хочешь перевести на себя колдовство, забрать знания, ты должен в хайло собаке лезть* (Верх-Язьва Красновишерского района) (ВС: 35).

Третий вид — это духи-помощники колдуна, представляющие собой консолидированное множество каких-либо существ и принимающие чаще облик небольших животных, насекомых, мелких предметов: *У этих колдунов есть жуки, которых он держит в лесу. В случае надобности, если надо напустить на человека порчу, колдуны насылают этих жуков на человека. Жуки живут в тусеке в лесу, под деревом, колдун ходит их кормить — они-де сосут его, он кормит их свои телом* (Плёсо Гайнского района) (ДМ: 34).

Четвертый вид — это злые духи, вселённые колдуном в жертву и вызывающие у нее различные болезни, обычно кликушество, или бесноватость. В пермских говорах такой вид нечистой силы называется *икота, икотка, порча, пошибка, хитка* и др.: *Я вот слышала, икота бывает. Вот как отпрыгается как. Одной стали операцию делать, зеркало поставили, а икота-то себя увидела и выскочила. Икоту-то всячески можно засадить, с питьём, наколдовать можно. Попадёт в тебя и вырастет* (Поселёе Усольского района) (УД: 214).

Первые два вида нечистой силы практически не проявляют себя звуками, поэтому об их звуковом портрете говорить не приходится.

Представители третьей группы (духи-помощники колдуна) обычно «молчат», для них совершенно нехарактерна человеческая речь, и здесь происходит совпадение визуального и звукового кодов: они *бунгают, бунчат*, если имеют вид мух, *чимгают, чимкают, чирикают*, если люди видят их в облике птиц, *пицат*, представляясь котятами, и т. п.: *Я слышала вот: одна женшьына вышла замуж, значит, всё говорили: у тебя свекровка-та холдунья. «Не знаю, уж негде я у её бисей не видала, не знаю». Свекровь уехала на мельницу, а сноха-та дома осталася. Она, знашь, пошла в голбец, и там, знашь, птички у ё, тусочек широкой из берёста, и птички маленькие, и чимгают, им надо ись. Чимгают, чимгают. [Чимгают?] Да. Ну, вот как кричат, надо им ись чё-ко* (Вильгорт Чердынского района) (ФА).

Значительно более развернутым является звуковой облик нечистой силы 4 группы. Типичными признаками бесноватости в русских поверьях считались произвольные крики пострадавшего, который под воздействием злого духа начинал кликать, отзывался голосами животных, бранился «черными словами». Кроме того, состояние невменяемости, одержимости часто сопровождалось сильной икотой, зевотой, ознобом, истерическими припадками. В севернорусских областях одной из разновидностей кликушества признавали икоту. Эта по преимуществу женская болезнь проявлялась по-разному, но почти всегда была связана с особенностями речевого поведения человека, который либо лишился дара речи и начинал «ухать», кричать по-звериному, либо в нем начинал вещать «не свой» голос [Виноградова 2000: 293].

По данным пермских мифологических текстов, производит такие звуки не больной человек, а духи, вызывающие «икоту». Вселить такого духа и соответственно вызвать эту болезнь может колдун. Лексика, называющая такие действия колдуна, указывает на способность вселённого духа к звуковому, в том числе и речевому, поведению: *садить говорух, садить с говорухой, посадить с разговором* (Да это самый тот же чертёнок, самый чертёнок. Вот с **говорухой посажен**. А у некоторых не говорит, а у некоторых многих говорит (Пянтег Чердынского района). Ну, это тоже вот опять от мамы жо это я всё слышала, что вот идёт, допустим, человек где-то — попало. Она всё говорила: «Мне уж тоже попало, но мне не так **посадили**, что с **разговором**» (Амбор Чердынского района) (ФА)).

Сам дух при этом может получать наименования, мотивированные его звуковым и речевым поведением: *голос, внутренний голос, второй голос, говорун, говоруха* (Я одну старуху сама видела. На неё колдун порчу наслал, на чае фамильном её посадил. И вот у неё два **голоса** стало. Они вместе живут, друг друга перебивают. Она чё-нибудь своё сказать хочет, а они своё говорят. Мы с мамой к ней ходили про брата узнать, который с войны не пришёл. Голоса-то сказали: «Давно уже погиб» (Тетерина Соликамского района) (ФА)).

У которых **говоруха** говорит дак, он скажет, чем кормят чертей-то колдухи (Коэпты Чердынского района) (ДА)).

Находясь в теле жертвы, духи могут проявлять себя различными звуками и речью. Причем наблюдаются случаи, когда визуальный и звуковой облики этих духов не совпадают: например, дух «говорит», как человек, а имеет зооморфный облик. *Порча, икота-то разговариват. Как лягуша или как ящерица сидит в человеке* (Монастырь Гайнского района) (ФА).

Звуки, производимые духом, всегда произвольны, они не зависят от воли пострадавшего, по тембру и высоте тона они непохожи на голос пострадавшего и чаще всего чрезвычайно громки [Русинова 2014: 274]. Носители традиции подчеркивают, что голос «вселённого» духа отличается от голоса человека, страдающего «икотой»: *Бывает, в человека бисей насадят, он и разговаривает другим голосом* (Чердынь) (ФА).

Можно привести примеры сочетаний, описывающих особенности тембра голоса, принадлежащего вселённому духу: *гортанный, грубый, мужицкий, мужской, тоненький, тонкий, хриплый; кричат толсто, кричат тонко, пикать* (*Икотка — это, знаешь, это человек испорчен. Вот ты, например, испорчена, вот ты щас сидишь, скажи чё-то не по тебе, ты закричишь не своим уже голосом, а вот у икоты-то голосом. Она каким-то таким тонким, хриплым говорит. Она не своим голосом-то, вот которым разговариваешь, у неё кой-то другой звук-то получается* (Елога Юрлинского района) (ФА)).

Кроме того, в мифологических текстах подчеркивается особый **способ** извлечения звуков, который характеризует звуковое поведение не человека, а беса: *разговор в себя, говорить в себя, говорить из желудка, вызёвывать*, т. е. высказывать что-либо, во время приступа «икоты», на вдохе, а не выдохе (*Дак он, главно, говорит-то ведь не так, как мы говорим, а как бы вот в себя этот разговор-от у них: «Есь меньше хлебушко ржаной надо было, жорать по дороге». Вот где-то, видимо, шла вот, ела, и на ходу где-то попало тожо* (Амбор Чердынского района) (ФА)).

Одной из проблем, связанных с изучением звукового поведения вселённого духа и лексики, обозначающей это поведение, является проблема разграничения духа и его жертвы. Дело в том, что в народных представлениях не всегда разводится поведение больного человека и беса, вызывающего болезнь «икоту». О. Б. Христофорова, используя наблюдения над магической традицией Верхокамья, утверждает, что «чаще всего голос икоты по тембру почти тот же, что и у ее жертвы...», но исследователь подчеркивает особенности звукоизвлечения (на вдохе) и прагматику высказывания духа (икота перебивает речь хозяйки своими комментариями, бранью в адрес участников коммуникации, вопросами к присутствующим и т. п.) [Христофорова 2016: 248].

Тем не менее сравнение корпуса лексики, обозначающей звуковое и речевое поведение человека, страдающего икотой, и духа, вызывающего эту болезнь, говорит о том, что четкой границы между личностью жертвы и нечистой силой носители традиции не проводят. Ниже приводим перечни глаголов для сопоставления, в которых нежирным курсивом выделены общие единицы и видовые пары совпадающих глаголов. Глаголы первого списка обозначают звуковое поведение больного человека, второго — вселённого в него духа:

1) *визжать, вопить, выкрикивать, выть, гавкать, говорить петухом, завывать, заикать, заикотать, заклохтать, закричать, залаять, залаять по-собачьи, заорать, заорать по-петушиному, запеть, запеть петухом, запеть по-петушиному, запищать, зареветь, заржать по-жеребячьи, затывкать, заухать, захохотать, зашуметь, икать, кричать, кудахтать, кукарекать, кукорекать, кукурекать, лаять, лаять по-собачьи, лаять собакой, мяукать, нахохотаться, орать, перепеться, петть, петть петухами, петть по-петушиному, пикать, поикать, проикать, реветь, ржать по-лошадиному, смеяться, сывгать, сюськать, ухать, фыркать, хохотать;*

2) *визжать, верещать, завизжать, заивгать, заикать, заикотать, закричать, залаять, заорать,*

зареветь, *ивгать*, *икать*, *керкать*, *кликать*, *клокотать*, *кричать*, *кричать криком*, *кричать разными голосами*, *култыкать*, *култыкаться*, *лепетать*, *мычать*, *орать*, *пищать*, *покликать*, *реветь*, *ургать*, *урчать*, *ухать*.

Теперь для полноты картины приведем из материалов Пермского края примеры наиболее типичных единиц, демонстрирующих звуковые проявления «вселённого» в человека духа, обнаруживающего себя

— **иканием**, которое обозначается глаголами *икать*, *заикать*, *заикотать*: *Чё-то другим голосом каким-то, как икотка у ней начинается: «Ик-ик-ик», начинается икать* (Петрецово Чердынского района) (ДА);

— **нечленораздельными выкриками**, называемыми целым рядом глаголов, чаще обозначающих высокие, пронзительные звуки или, наоборот, утробные, гортанные звуки: *ивгать*, *заивгать*, *керкать*, *клокотать*, *култыкать*, *ургать*, *урчать*, *ухать*; различными, обычно повторяющимися звуко-сочетаниями: *а-а-а*, *а-а-а-а-а-а*, *а-уа-уа*, *а-ха*, *глу-крлу-гл-крл*, *ик-ик-ик*, *из-из-из*, *култык-култык-култык*, *м-м-м-м*, *о-о-о-ой*, *тру-ру-ру*, *у-у-у*, *ы-ы-и*, *ы-ы-ы*, *ы-ы-ы-ы* ([А ЭТОТ «чертенок» какие-то звуки издает?]) *Могут на человека посадить, они* (т. е. вселённые духи) *будут розговаривать, керкать из горла* (Камгорт Чердынского района) (ФА); *Мы тут одну вот тётку провозжали, люди-те мало пошли, побоелися колдунов-то, а я пошла. А мужик-от её тут. Он всё меня и тычет, и тычет: «Чё булки-то не ешь? Чё пельмяны-то не ешь?» Я домой пришла — захворала, так у меня заболела голова, так меня затошнило... У-у-у! Видал? Вот, это я не сама, это вот из меня како-то... Как мне захалось! Как мне заохалось, заикалось!. У-у-у! Вот, видал?* (Вильгорт Чердынского района) (ДА);

— **подражаниями крику животных**; чаще всего бес проявляет себя звуками, напоминающими лай собаки: *залаять*, *лаять по-собачьи* (*Колдуны-те жили у нас под окном, колдовали, людей портили. Чертей садят: то жука садят, то*

лягушу, то **по-собачьи лают**. Маме был чертёнок посажен. У ней ухал или, как собака, **залает** (Красновишерск) (ФА));

— **смехом**: [А «икотка» — это что такое?] *Это тожо, говорят, что... от чертей, от колдунов. У нас сватья Борениха была, так у её кака-то хохотунья опеть была. Господи! На её какой-то смех найдёт, дак из мозгов кров пойдёт — так хохочет! И все колени исилёпат, всё руками хропат, хохочет, хохочет. Хоть ты чё делай — ничё не сделаешь, пока не нахохочется. Так она умерла* (Ратегова Красновишерского района) (ФА);

— **плачем**: *Мы пришли, поели, и у его брат заходит. А он знал бесей. Он ладил у меня подружке посадить-то, а попался мне... Так-то **ревут**, а так... ничего не делается. [Кто ревет?] *Беси-те. [Как это?] Да вот иногда так это лекарство буду пить, они: «А-а-а-а-а-а». Всяко **заревут**, неладно им* (Вильгорт Чердынского района) (ФА);*

— **пением**: *Когда на спокойе, дак молчит {вселённый колдуном злой дух, вызывающий болезнь «икоту»}, а когда не на спокойе, дак орёт: «В Черноушке есь избушка, Марфа Полнова живёт. Раскосматила пи...душку, вход для х...я не даёт». Много, много **поёт**, поёт. Я говорю: «Петруша, как тебе не стыдно? Бессовестный! Ты такие песни поёшь!»* (Покча Чердынского района) (ФА).

Как уже было сказано выше, вселённый дух, по данным мифологических текстов, может обнаруживать себя **членораздельной речью**. Зафиксировано большое количество глаголов и глагольных сочетаний, обозначающих бесовскую речь: *болтать, вести разговор, выговаривать, говорить, говорить икотами, заговорить, запричитать, лепетать, молиться, наболтать, проговорить, разговоривать, рассказать, рассказывать, сказать, сказывать*. У одной бабушки была икота да сама, говорят, **говорила**: *«Я летела, летела да очень замёрзла. Залетела на порог и под метлу села. Потом, кто понравился, к тому и зашла»* (Лопвадор Кудымкарского района) (ДА); *Наташка **говорила икотами**. Чё-ко спросишь у неё, она и отвечала другим голосом* (Бондюг Чердынского района) (ФА).

Однако речь беса, в отличие от речи жертвы, часто описывается как дефектная, имеющая недостатки: нечленораздельность, шепелявость, плохое артикулирование звуков, т. е. она напоминает речь ребенка и описывается такими лексическими единицами, как *сюськать*, *недоделанный язык*, и другими: *В Сеннино вот, у Маши, у отца сестра, Аксинья... у её {«икота»} Ёрма есть... Она так пикат да нечисто маленько говорит ишо. Нечисто. Недоделанный язык-от, говорит* (Сивинский район) [Христофорова 2013: 186].

Разновидностью речевого поведения вселённого духа является **брань**. Брань можно отнести к одной из самых частотных звуковых и речевых характеристик этого персонажа. Как следствие — большой круг глаголов, которые обозначают такое поведение: *заговорить матом, заматериться, изругаться, катить матом, материть, материться, матить, матькать, матькаться, матюкаться, обзывать, обзываться, обругать, отматькать, ругаться, ругаться матом. Да у кого-то икотка разговариват, у кого-то нет. Вот у меня икотка дак, она выпить любит. Вот где увидит вот выпивку вот, ей надо. Выпьет — вот она и начнёт материться* (Пянтег Чердынского района) (ФА). Объяснить наличие брани в речи вселённого духа можно тем, что она осмыслялась как греховное, нечистое поведение и соотносилась с представителями «чужого» мира, прежде всего демонологическими персонажами. В словаре «Славянские древности» прямо указывается на то, что непотребная брань кликуши во время припадка объяснялась тем, что брань извергает вселившийся в нее бес [Санникова 1995: 251].

Отдельной речевой стратегией вселённого духа можно назвать **громкую речь**: *закричать, заорать, кликать, крикнуть, кричать, кричать криком, орать, покликать*. [Давно «икоту»-то матери посадили?] *Да лет сорок назад. Орёт как потерпевший. Раньше говорил, щас только больше орёт* (Юрла) (ДА).

Подведем итог. Как показало проведенное исследование, не все виды нечистой силы, связанной с колдуном, по

данным пермских мифологических рассказов, характеризуются звуковым и речевым поведением. Наиболее подробно разработаны в демонологической традиции акустические проявления так называемых «вселяющихся» духов, вызывающих у жертвы болезнь икоту. Звуковой портрет таких бесов богат, в нем представлены разные характеристики звуков и речи, принадлежащих, в соответствии с представлениями носителей традиции, этой разновидности нечистой силы: *тембр голоса* (обычно выше или ниже голоса жертвы), его *громкость* (обычно громче обычного), *способ звукоизвлечения* (не на выдохе, а на вдохе), его *нечеловеческая природа* (подражание звукам животных, нечленораздельные выкрики), *асоциальность речи* (брань, в том числе нецензурная). Все эти характеристики подчеркивают чуждость звуков или их непохожесть на звуки и речь человека и таким образом указывают на иномирную природу носителя этих звуков.

Источники

ВС — Вишерская старина: Сборник фольклорно-этнолингвистических материалов по обрядовой традиции Красновишерского района Пермской области / Сост. Н. В. Жданова, И. А. Подюков, С. В. Хоробрых. Пермь: ПГПУ, 2002. 100 с.

ДА — Диалектологический архив лаборатории региональной лексикологии и лексикографии ПГНИУ.

ДМ — Деревня Монастырь на Каме-реке: Сборник фольклорно-этнолингвистических материалов по Гайнскому району / Сост. И. А. Подюков. Пермь: Изд-во ПОИПКРО, 2003. 60 с.

УД — Усольские древности. Сборник трудов и материалов по традиционной культуре русских Усольского района конца XIX–XX вв. Пермь: Пермское книжное изд-во, 2004. 240 с.

Литература

Виноградова Л. Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М.: Индрик, 2000. 432 с.

Русинова И. И. Языковой образ нечистой силы, связанной с колдуном (на материале лексики говоров и мифологических

рассказов Пермского края) // Традиционная культура Пермского края в зеркале лексики и фразеологии: монография / под общ. ред. И. И. Русиновой. Пермь, 2014. С. 247–281.

Санникова О. В. Брань // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1: А–Г. С. 250–253.

Христофорова О. Б. Икота: Мифологический персонаж в локальной традиции. М.: РГГУ, 2013. 304 с.

Христофорова О. Б. Одержимость в русской деревне. М.: Нелит, 2016. 392 с.

The vocal behavior of evil spirits connected with a sorcerer (a case study of the vocabulary of the mythological tales of the Perm region)

Irina I. Rusinova

Perm Federal Research Center
of the Ural Department of the RAS,
Perm State University
irusinova@mail.ru

The article provides the sound portrayal of a certain type of evil spirits connected with a sorcerer. The portrayal is based on the case study of the vocabulary of Russian mythological tales of the Perm region. In the texts we investigated, four types of such evil spirits are present. The first type consists of the spirits that give a sorcerer arcane knowledge and magic assistance. The second type includes the evil spirits that can emerge as some mythical creature (toads, frogs, dogs, pigs, cocks of the wood, fish, crocodiles, etc.). In order to become a sorcerer a person must initiate physical contact with these spirits, usually by passing through them while being in a banya, that is a traditional Russian bathhouse. The third type includes the spirits that assist a sorcerer. They typically act as a group and often take the form of small animals, insects or tiny objects. The fourth type encompasses the evil spirits that use to obsess a victim, following the order of a sorcerer to cause various diseases, usually rendering the obsessed into hysteriacs or demoniacs. As a rule, the first two types of evil spirits are not characterized by any sounds. The representatives of the third group also usually keep silence or sometimes produce sounds

typical for the animals or insects whose form they get. The acoustic manifestations of the so-called “obsessive” spirits that make their victims hysteriacs are characterised in the demonological tradition of the Perm region in fine details. The sound portrayal of these demons is rich and consists of vocabulary items describing different features of sounds and speech: the pitch of voice, its strength, the way of sound making, lack of articulation, asocial speech behaviour. All these characteristics emphasize the alienness of the sounds or their dissimilarity to human sounds and speech, and thus, indicate the other-worldly nature of the creature that produces these sounds.

Key words: mythological tales of the Perm region, “obsessive” spirits, sound portrait of evil spirits, vocabulary of mythological tales.

References

Khristoforova O. B. Ikota: Mifologicheskii personazh v lokal'noi traditsii [Hiccup: A Mythological Character in a Local Tradition]. Moscow: RGGU, 2013. 304 p.

Khristoforova O. B. Oderzhimost' v russkoi derevne [Obsession in the Russian Countryside]. Moscow: Neolit, 2016. 392 p.

Rusinova I. I. Yazykovo obraz nechistoj sily, svyazannoj s koldunom (na materiale leksiki govorov i mifologicheskikh rasskazov Permskogo kraja) [the language portrayal of evil spirits connected with a sorcerer (a case study of the vocabulary of the dialects and mythological tales of Perm region) // Tradicionnaya kul'tura Permskogo kraja v zerkale leksiki i frazeologii [Traditional culture of the Perm region as reflected in vocabulary and phraseology]. Perm', 2014. Pp. 247–281.

Sannikova O. V. Bran' [Scolding] // Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar' [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary]. 1995. In 5 vol. Vol. 1. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya. Pp. 250–253.

Vinogradova L. N. Narodnaya demonologiya i mifo-ritual'naya tradiciya slavyan. [The folk demonology, myths and ritual tradition of the Slavs]. Moscow: Indrik, 2000. 432 p.